

Наталья Усанова

16+



Рассказы из провинции

Наталья Усанова

Рассказы из провинции

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55018206

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06259-7

Аннотация

Вниманию читателя предлагается новый сборник рассказов Натальи Усановой «Рассказы из провинции». Кто-то уже знаком с предыдущими её произведениями, а для кого-то сборник рассказов станет открытием. В том числе и открытием нового имени. Сюжеты, герои рассказов хорошо знакомы читателю – они из нашей современной жизни. Кому-то из героев читатель может сочувствовать, сопереживать, кого-то осуждать, с кем-то или над кем-то посмеяться, но равнодушным он не останется наверняка. Некоторые рассказы взрослые могут почитать детям, но, в основном, они – для аудитории от 16 лет. Приятного чтения!

Содержание

Велосипед	4
Васька и Лариска	12
Глухая Люба	16
Выигрыш	22
Беженцы	30
БОЕЦ	38
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Велосипед

На дворе стояла уже ночь, тёплая, июльская. На небе мерцали холодные огоньки далёких звёзд, и Ромка, лёжа на спине, на раскладушке возле открытого окна, всё всматривался в высокий шатёр ночного неба. Ему не спалось. Где-то там, высоко-высоко, летают космические корабли, и космонавты в них тоже, наверное, не спят. Как же им спать? – Вверх тормашками что ли? Ему, Ромке, так ни за что не уснуть. У космонавтов, наверное, и постелей-то нет. А без постели что за сон? У животных и то есть постели: из травы там, из листьев. Без сна тоже плохо. Ромка, когда не выспится, ничего не соображает, есть не хочет, делать ничего не хочет. А космонавтам надо же работать! Они, наверное, таблетки какие-то пьют, чтобы не спать... Ага, а если они долго-долго летают? Тогда им всё равно надо спать...

Ромкины размышления прерывает шорох за окном. Он прислушался. Шорох затих. «Кошка, наверное, лазит в траве», – подумалось ему.

Только он хотел вернуться к своим мыслям, как за окном снова что-то зашебуршало. Любопытство взяло верх. Ромка тихонечко встал и взобрался на подоконник. Долго рассматривал чернеющую в темноте траву, поднявшуюся этим летом высотой больше метра, но разглядеть так ничего и не смог. Вдруг раздался тихий оклик:

– Ромка! Бабушка спит?

– Кто там? – так же тихо спросил Ромка.

– Да это я, дядя Петя, – из-за куста калины, крадучись, вышел его родной дядька, брат Ромкиной мамы.

– Ой, дядя Петя, а мы Вас совсем – совсем потеряли, – старательно тихо зашептал Ромка. Но получалось совсем наоборот.

От громкого шипения Ромки проснулась бабушка и громко спросила:

– С кем это ты разговариваешь, Ромка? Кто ещё там шляется под окнами по ночам? Ну-ка, закрывай окошко! Хватит балаболить! Завтра рано вставать. Забыл? Кто за ягодами собирался со мной пойти в лес? Или раздумал?

– Пойду я, бабуль! Конечно, пойду. Ты не думай, я высплюсь! Успею. Спи, бабуль!

– Выспится он... Закрывай, говорю, окошко! Комаров напустил! Не дадут теперь спать!

– А закрою окошко – будет душно! Пусть останется открытым!

– Ромка, ну-ка, закрывай окно без разговоров! Переговариваться он ещё будет!

– Ладно-ладно, закрою! Не ругайся, бабуль!

Бабушка, немного помолчав, вдруг спросила:

– Ромка, а там не дядька твой объявился? Ты не с ним шушукался?

Ромка затих, не зная, что ответить. И дядьку подводить

нельзя, и врать не хочется.

Бабушка поняла, что угадала, и, кряхтя, встала с постели, подошла к окну.

– Ну-кося, защитничек, геть в постель! Сама закрою окно, – сказала она, отпустив Ромке лёгкий подзатыльник.

– Петька, паршивец! Пришёл, да-к нечего под окнами будоломничать! Шагай домой через дверь, а не в окна! Завтра будешь ответ держать, где сегодня пропал! – громко проговорила она для улицы, затем сердито захлопнула окно, задвинув на нём шпингалеты, и пошла открывать дверь непутёвому сыну сорока с лишним лет, с наполовину облысевшей головой. Тот, дождавшись, когда она уйдёт в комнату, осторожно вошёл в квартиру, быстро-быстро закрыл за собой входную дверь, и, прошмыгнув в хрущёвский санузел, закрылся там.

Ромка ждал – ждал дядю Петю, но, так и не дождавшись, уснул. Ему хотелось узнать, купил ли дядя Петя велосипед на деньги, что дала ему бабушка. Бабушка их долго копила и хотела подарить его Ромке на день рождения. Но так как она сама в них ничего не понимала, то поручила сделать эту покупку дяде Пете.

Утром они вместе: Ромка и дядя Петя – пошли в «Спортовары» выбрать велосипед. До этого магазина они дойти не успели. На их пути было детское кафе «Ягодка».

– А что, Ромка, может, зайдём сюда да побалуемся мороженым? – спросил его дядя Петя. – Хочешь мороженого?

– Хочу, – ответил Ромка. – Я люблю экимо!

– Не «экимо», а «эскимо», – пояснил дядька. – А я люблю «пломбир». Сейчас мы купим с тобой всё, что хотим.

Они зашли в кафе. Племянника дядя Петя усадил за один из столиков, а сам встал в очередь к прилавку.

Ромка сидел за столиком, и, бултыхая по воздуху ногами, которые не доставали пола, разглядывал на стенах красивые картинки с героями из знакомых ему мультиков. А дядя Петя тем временем, купив мороженое, уже шёл к столику вместе с каким-то дядей.

За столом дядя с незнакомцем много о чём-то говорили, что Ромка, ничего не понимая из их разговора, устал слушать и решил выйти на улицу и там подождать дядю Петю. На улице он снова долго ждал. В ожидании облазил все ближайšie скамейки и деревья, а дядя всё не выходил. Наконец, Ромка решил сам позвать его, но, когда заглянул в кафе, дядьки там уже не было. Ромка сначала расстроился, что прозевал дядю Петю, но вскоре, увидев знакомого мальчика, пошёл с ним играть в свой двор. Там они и провели в играх почти весь день. Только вечером бабушка, возвращаясь из магазина, увидела внука, играющего в песочнице, и повела домой...

Среди ночи Ромка проснулся от какого-то грохота. Он вскочил с постели, и, с силой протирая глаза, пытался понять, что гроыхнуло. Но в квартире установилась тишина. Потом из коридора послышался храп.

Проснувшаяся бабушка встала с постели и пошла в коридор. Следом за ней пошёл и внучек. В коридоре была настежь распахнута дверь из санузла с сорванным крючком, а на полу лежал и храпел трактором дядя Петя.

– Ба, а почему он здесь спит? – спросил Ромка.

– А пьянчужкам всегда нравится спать то на толчке, то рядом с ним, а то и на улице где-нибудь под забором. Ты ещё не знал этого? – хмыкнув, ответила бабушка. – Свинья грязь любит! А спать в ней для неё – самая большая радость. Пусть себе спит! И мы пойдём дальше спать.

Шлёпая босиком обратно в постель, Ромка задумался: как это дядя Петя спал на толчке? Зачем? Есть же постель! А теперь на полу спит... Нехорошо это. Он, что ли, пьянчужка? Нет. Неправда. Он не такой. Дядя Петя рассказывал ему о космосе, о звёздах, о космонавтах. Он так рассказывал, что Ромке тоже захотелось стать космонавтом и полететь на какую-нибудь звезду. Посмотреть, какая там жизнь, как там живут люди. Это же с ума сойти как интересно! Нет, дядя Петя – он другой. А сегодня... сегодня у него просто нечаянно так получилось... Это, наверное, тот дяденька его уговорил выпить. Но он больше не будет... Ни за что не будет пить эту водку! Он знает, что все пьяницы – настоящие дураки. Когда они пьяные, они ничего не понимают, значит, они глупые или дураки. Но дядя Петя же не дурак! Зачем ему пить?...

С этими мыслями Ромка уснул, а во сне улетел на космо-

лётё на какую-то другую неизвестную планету, которая удивила его огромными красивыми бабочками. Они то летали, то ходили по земле, а людей там почему-то не было. И Ромке стало от этого грустно и захотелось обратно, домой. А дом был далеко-далеко, так далеко, что Ромка заплакал.

Он проснулся от того, что кто-то его трясёт. Ромка открыл глаза, по щекам катились слёзы, а за плечи его держала бабушка.

– Ромка, ты чего? – спрашивала она. – Не плачь, это только сон! Не надо плакать! Всё будет хорошо! Спи хорошим сном, а тот плохой прогони!

– Ба, а вставать ещё не надо?

– Нет, внучек, не надо. Рано ещё. Я тебя разбужу.

Ромка закрыл глаза и попробовал уснуть. Но это у него не очень получалось. Получилось, когда пришла пора вставать. Бабушка, жалеючи внука, не стала его будить. В сегодняшнюю будоломную ночь он почти не спал.

Солнце было довольно высоко, когда Ромка проснулся. Дядя Петя уже сидел на кухне и «гонял чай». Бабушка пекла блины и сердито выговаривала ему за вчерашнее, а тот только голову сжимал своими руками – «граблями», как говорила иной раз бабушка. Дядя Петя молча слушал выговор, виновато хлопая глазами, опущёнными белесыми ресницами. Наконец, он не выдержал, и, скривив лицо от головной боли, произнёс:

– Мам, да куплю я ему велосипед! Вернусь из отпуска,

получу отпускные, и сразу куплю.

– Куда ты купишь?! Чтобы потом посылкой отправлять сюда?

– Почему посылкой? – Багажом. Там я найду для него велосипед получше, чем в здешнем магазине.

– Петя, ты только не вешай мне лапшу на уши. Я уже столько обещаний от тебя слышала, что уши вянут! Уж, если на то пошло, вышлешь деньги переводом, а мы тут как-нибудь и без тебя разберёмся! Твоими обещаньями я сыта по горло. Когда же ты за ум возьмёшься? Хватит тебе балбесничать! Пора остановиться! Жёнок перебираешь – скоро на руках пальцев не хватит считать! Все тебе плохие! Как последнюю-то звали?

– Лена.

– Это она за тобой ухаживала, когда ты весь переломанный лежал в больнице?

– Да, она.

– Вот и женился бы на ней. Не каждая женщина станет ухаживать за калеккой. Значит, сердце у неё доброе. А недостатков у каждого за глаза хватает. Главное, надо найти в человеке хотя бы одну хорошую черту и опереться на неё. А там и всё остальное подтянется. Уважай того, с кем хочешь вместе жить, и он ответит тебе тем же.

О чём дальше шёл разговор, Ромка уже не слышал, потому что бабушка закрыла дверь на кухню.

– Это что же, у дяди Пети было много жён? А разве так

можно? Вот у него, у Ромки, всегда была одна мама, один папа. А разве бывает ещё по-другому? Надо у бабули спросить. Или нет, лучше у дяди. Бабуля уже старенькая, она, наверное, и не знает этого. А у дяди Пети другое дело. Если у него было много жён, значит, он лучше знает, почему так бывает...

Но Ромка недолго был занят такими мыслями, вскоре он переключился на другой вопрос: почему бабушка его так и не разбудила? И он, ещё не умывшись, вприпрыжку побежал на кухню...

Васька и Лариска

Ранним утром поздней осени, едва-едва забрезжил рассвет, обитательниц жилища под названием «общежитие» разбудил истошный вопль ребёнка. Испуганные жилички мигом повыскакивали из своих тёплых постелей, но лишь из одной комнаты решилась высунуться молодая женщина – Маринка. Дверь её комнаты выходила на веранду, и оттуда напрямик ей под ноги шмыгнуло что-то мохнатое с горящими жёлтым огнём глазами. Маринка испуганно отскочила в сторону, потом поняла, что это Васька, их общежитский кот, и она, успокоившись, стала выгонять его из комнаты. У неё была маленькая дочка, и Маринка никогда не пускала кота в комнату, чтобы хотя бы там не было его шерсти.

Васька был старый – престарый кот, лохматый или мохнатый – это как кому угодно. Жил он здесь, кажется, всегда. По крайней мере, других котов или кошек здесь никто не помнил. Когда-то раньше он очень хорошо ловил мышей, крыс, за что его и держали, потому что этого зверья там было в изобилии. И это несмотря на его неласковый нрав. Погладить, потискать его никто не изъявлял желания. Боялись. Потому как на любые протянутые к нему руки он взъерошивался и шипел, поднимая перед собой лапы с выпущенными когтями.

Последние годы он обленился, мышей и крыс ловить пе-

рестал, всё больше спал. Летом на веранде, а зимой – то на кухне, которая была общей для всех жилищек, то в туалете на батарее. Большую часть дня он проводил на кухне, где женщины и еду готовили, и ели за столом. Тогда и ему что-нибудь перепало, как угощение. Но довольно часто он проявлял свои незаурядные способности в воровском деле. Стоило какой-нибудь женщине оставить на столе что-то вроде колбасы или рыбы и отвернуться на мгновение, как эта самая вкуснятина тут же исчезала со стола. Исчезал и Васька, мирно спавший до этого где-то под ногами.

Женщины и сердились на него, и жалели: всё же – старый котяра, своё отслужил. Каких только прозвищ он не слышал от них в зависимости от того, что сотворит. Был он для них – и «холерой», и «пенсионером», и «дармоедом», и «воровской мордой». Богатая коллекция прозвищ для него постоянно пополнялась, была, казалось, неисчерпаемой. Васька, однако, на них не реагировал, продолжая жить по своим законам и привычкам. Он был уверен, что никто его отсюда никуда и никогда не выгонит. Это его дом.

Но, кроме Васьки, в общежитии жила ещё одна зверюга – крыса. Самая, что ни на есть, настоящая, никаких благородных кровей. Жила она, как и положено, под полом. Крыса эта тоже была старая – престарая. Когда-то женщины приручили её, подружились с ней, – как хотите, так и называйте эти отношения. Крысу они называли Лариской. Лариска не лазила, где попало, она приходила к ним в гости, когда они

звали её. У пола над плитусом была дыра, она вылезала оттуда и взбиралась на холодильник, куда женщины клали для неё угощение: печенье, сахар кусочками.

Лариска с Васькой жили вполне мирно. Он на кухне в основном лежал под столом, не обращая внимания на её появление из норы и последующее восседание на холодильнике.

Боялась Лариска только одного человека. Это был один из проходящих гостей – ухажёров одной из женщин... Он, по видимому, её тоже боялся, а кроме того, ненавидел. Однажды он её пнул и она запомнила это. При его приближении к общежитию Лариска убегала в свою дыру. Ухажёра ещё ни видно, ни слышно, но, если Лариска пряталась, то женщинам сразу становилось понятно, кого ждать на пороге. По реакции Лариски они тогда сделали вывод, что парень – нехороший человек, и женщина, к которой он приходил, вскоре рассталась с ним.

К месту, наверное, рассказать немного о самом жилище. Находится оно в одном из городков на южном берегу Крыма. Постройке не менее ста лет, а возможно, и больше. Строили такие дома, скорее всего, крымские татары из ракушечника, которого на морском побережье предостаточно. Ракушечный кирпич – это известняк, очень хорошо впитывающий влагу, но с трудом отдающий её. В сырую, дождливую погоду в таком жилище довольно холодно и сыро, если нет дополнительного обогрева и просушки. Батареи центрального отопления хоть и имелись в комнатах, но отопительный

сезон, как правило, начинался ближе к декабрю. Жители, конечно же, ворчали на коммунальщиков, а у тех, как всегда, было сто причин и отговорок, по которым невозможно было включать отопление.

В эту ночь отопление, наконец-то, включили. А, что Васька, что Лариска, – оба любили полежать, погреться на батарее в туалете, которая была их давнишним «яблоком раздора».

Сколько лет они жили вместе, столько и дрались за неё каждый раз, когда включали отопление. Драка их заканчивалась тем, что кто-то из них отступал, и батарея становилась собственностью победителя на всю зиму. В основном побеждала крыса, и потом всю зиму она грелась на ней, когда хотела.

В этот раз драка закончилась победой кота. Далась она тому с большими потерями: Лариска порвала ему не только ухо, изранен он был весь с головы до хвоста. Но и Лариска погибла. Васька всё-таки загрыз её.

Когда женщины увидели погибшую крысу, печали их не было конца. Ваську они готовы были убить за неё. Но, конечно, не убили. Похоронили Лариску с почётом, сделали поминки. А Васька где-то долго отлёживался, а потом, когда появился худющий, хромающий, грехи ему отпустили, стали подкармливать. Но прожил он после этой драки не так долго. Еле дотянул до лета. То ли последствия драки сказались, то ли старость одолела.

Глухая Люба

Люба Р. не всегда была глухой. Когда-то она очень даже хорошо слышала. Много лет Люба проработала рекламщицей в местном ДК. Драила шваброй фанерные щиты от старой рекламы, грунтовала их, что требовало немалых физических усилий; подготовленные щиты разрисовывал художник, а Люба устанавливала их перед входом в ДК. Работа вроде несложная, но занимала весь её рабочий день. Афиш бывало много, так как здесь проводились и смотры самодеятельности, и праздничные «Огоньки». И прочих мероприятий хватало: то собрания своего родного предприятия, то другие организации что-то здесь проводили, то выборы, то концерты заезжих артистов, то ещё какая-то всячина. Короче, работы хватало и художнику, и ей – Любе.

Но так считали не все. Её начальница – Захаровна, по внешнему виду и внутреннему содержанию больше походившая на уличную торговку и любившая покомандовать (а она была здесь завхозом, и все уборщицы, в том числе и Люба, подчинялись ей), так не считала. Она раз и навсегда решила, что работа у Любы – не бей лежачего, поэтому отправляла её мыть пол там, где она укажет, в дополнение к основному занятию.

Люба была невысокого росточка, тихая, робкая и даже застенчивая. Но самое главное – она никогда не перечила на-

чальнице, являлась добросовестно – исполнительницей трудягой. Только художники за неё и заступались, отвоёвывая её для основной работы.

Люба и в семье была такой же терпеливой и безответной. Муж её Генка бывал хулиган ещё тот! Вернее, это он дома распоясывался, руки распускал, а на своей работе он был на доске почёта и тише воды, ниже травы. Ещё бы! Ему ли возникать там?! За ним водился грешок: любил он выпить не слабо. А после этого, неминуемо, начинался запой и прогулы. Но его держали там исключительно за умелые руки. Был он слесарем, каких днём с огнём не сыщешь. А за прогулы Генку каждый раз лишали премии и тринадцатой зарплаты. И каждый раз тот клялся – божился, что больше прогулов не будет, что это было в последний раз, что теперь он начнёт новую жизнь. Но обещаний его хватало максимум на полгода, и дальше всё шло по кругу.

Люба в его запойные дни приходила на работу в синяках и старалась в это время никому не попадаться на глаза, кутала лицо в платок. Художники жалели её. Особенно сочувствовала ей девушка – художница, которую звали Роза. Талантливая и самолюбивая, уж она-то никогда и ни за что не давала себя в обиду. Умела дать отпор. Когда Люба приходила с синяками, Роза говорила ей:

– Ну, сколько же ты будешь терпеть этого гада? Он же убьёт тебя, Люба! Уходи ты от него!

Люба тихо отвечала:

– Куда же я уйду? Где мне жить с двумя детьми? Кто ж меня возьмёт к себе? Да и денег у меня нет, чтобы за квартиру платить. Зарплата, сама знаешь, какая – не разживёшься! А мальчишек надо и кормить, и одевать – обувать! А этому вражине отольются мои слёзки. Бог ещё накажет его!

Мальчишки у Любы были разновозрастные. Старшему 13 лет – он был родной сын, а младшему 5 лет – этот приёмный, племянш. Сестра с мужем на мотоцикле с коляской возвращались с картофельного поля и погибли в аварии. Их сбил встречный самосвал. Мальчонка остался сиротой, и Люба забрала его к себе.

Старший – Колька был задиристым, драчливым забиякой. Родители многих соседских детей то и дело жаловались на него, а она всё никак не могла найти на него управу. Он был копией своего отца и всегда находил у него поддержку. Подрос Колька, стал пить на пару с отцом и быстро втянулся в это дело.

Бог всё-таки наказал мужа Любы: однажды он отравился палёной водкой и ... протянул ноги. Пил вместе с ним и Колька. Но тогда его в больнице сумели «откачать». Отравление ненадолго приостановило его желание пить: он очень испугался. Но через какое-то время пристрастие к спиртному возобладало. Раз попробовал – ничего не случилось, два попробовал – опять ничего, а дальше – снова пошло-поехало...

И, как водится, выпивка его стала сопровождаться руко-

прикладством, злобой на мать, ревностью к двоюродному брату.

А двоюродный брат – Сашенька, как звала его Люба, был совершенно иным. С малых лет, как Люба забрала его к себе, он стал её «хвостиком», ходил с ней повсюду, в том числе и на работу. Сызмальства он видел её нелёгкий труд, старался помочь тёте, видел и дядькины издевательства над ней, очень жалел её, заступался за тётю, за что и ему перепадали тумачи. От брата Кольки мальчику тоже доставалось, он ведь был младше, и силёнок, конечно, пока не хватало справиться с ним. Сашенька подрастал, физически становился крепче, и Колька теперь бивал мать в его отсутствие.

Пришёл срок, и Сашенька поехал учиться в училище в другой город, а по окончании отправился служить в армию. Как Люба ждала его писем! Это был единственный человек – роднее родных, который беспокоился о ней, жалел её.

А родной сын Колька по-прежнему пил, теперь уже беспробудно, и так же изголялся над матерью. И однажды, тихо подкравшись к ней сзади, изо всех сил хлопнул ладонями ей по ушам. Люба от дикой боли упала, потеряв сознание. Она всю ночь пролежала на полу в луже крови, вытекшей из ушей. Колька же в это время преспокойно спал пьяным сном.

Наутро, проспавшись, он пошёл на кухню опохмеляться и споткнулся о лежавшую на полу мать. Вот тут он испугался, стал трясти её. Люба открыла глаза и тут же в ужасе закрыла уши руками. Сын что-то говорил ей, но она ничего не слы-

шала и только испуганно смотрела на него. Колька, наконец, понял, что дело плохо – его ведь могут посадить за мать! И вызвал скорую помощь. Любу увезли в больницу. К ней туда приходил следователь и убеждал подать заявление на сына. Она отказалась.

А Колька тем временем запил пуще прежнего. И то ли он перебрал со спиртным, то ли снова палёного зелья напробо-вался, в её отсутствие отдал Богу душу: заснул на лавке в парке культуры и отдыха и не проснулся.

Соседи и знакомые помогли ей похоронить сына. Она же всё плакала, жалела Кольку и виноватила себя, что не уберегла мальчишку, не смогла воспитать его правильно. Её убеждали, что не она виновата, а его отец, который втянул сына в пьянку. Но она продолжала повторять:

– Не уберегла... Как же так?... Надо меня судить. Я виновата...

С тех пор её стало трясти. Так сильно тряслись руки, голова, что она не могла совершать многих действий: ни хлеб порезать ножом, ни ложку поднести ко рту – всё расплёскивалось по сторонам. Стала она беспомощна, как дитя. А к врачам обращаться робела. Одна из знакомых обратилась в отдел социальной поддержки, объяснив положение Любы. Там посодействовали приходу к ней врача. Врач назначил лечение, но проку от него фактически не было. От прописанных таблеток она целыми днями спала, а когда просыпалась, всё было по-прежнему. И она перестала их пить.

Наконец, Сашенька вернулся из армии. Побыл немного дома и уехал в город, где учился до службы. Там, оказывается, его ждала девушка. Там же он устроился на работу. Вскоре они поженились, Люба была на их свадьбе – Сашенька приезжал за ней. И года не прошло, он перевёз тётю к себе. Квартиру Любы продали, и в том городе купили другую, где и стали жить вместе с ней.

Выигрыш

Тётка Степанида, «клянуv» на рекламу, решилаcь купить лотерейные билеты. Мелочиться не стала, с пенсии разорилась аж на целых десять штук, которых не покупала, кажись, со времён Союза. Тогда их втюхивали, как обязательку, а они – вот дурные! – ещё и сердились, да старались как-нибудь «отбрехаться» от навязываемого «счастья». Это теперь дело другое: хочешь – бери билеты, не хочешь – не бери, дело твоё, никто не заставит. Наоборот, появилось столько больных на всю голову! Тратят на эту ерунду все свои зарплаты, «пускают на ветер» пенсии, идут на преступления!.. А лотерей напридумывали! Одна другой заковыристей, завлекательней! И главное, кто больше наобещает, тот круче и обманет!

Но тётка Степанида-то не дура! Она знает, что это развод! Просто уговорил её на покупку приближавшийся Новый год. Надо же было поздравить родственников и друзей чем-то недорогим, но интересным! Вот и соригинальничала с билетами.

Правда, оказалось, родственники сделали то же самое. И вышло, что на Новый год они все обменялись билетами. Получилось так смешно: надо же! – свои купленные билеты раздала, а получила взамен точно такие же, только с другими номерами. И тут подумала, а вдруг повезёт? Да... Слаб че-

ловек... Поманили пальчиком – он и растаял...

Да нет, нет. Она не гоняется за большими деньгами. Если уж их никогда у неё не бывало, то и не будет. Нечего губу-то раскатывать...

И всё же... А вдруг и в самом деле повезёт? А что? – она, ведь, везучая. Разве нет?

Родилась Степанида после войны. Это ли не везение? Не пришлось ей пережить кошмаров и ужасов голода военного времени. Всегда у неё были и еда (хоть и не всегда в достаточном количестве), и одежда (пусть и не шикарная), и дом (пусть и не дворец), и родители (хоть и не царских кровей, но любовь и забота которых грели её всегда). Она это ценила и понимала, что не каждому выпадает такое счастье.

А муж? А сын? Неужели ей с ними не повезло? Ни тот, ни другой не пьют, не курят, не дерутся – это ли не счастье? У других вообще чёрт-те что творится в доме, а живут, радуются. Ей, тем более, положено быть на седьмом небе от счастья. Она, в самом деле, довольна.

Правда, муж перестал выпивать после того, как его хватил инсульт. Ну, так что же! Теперь-то, когда он всё-таки оклемался – ни капли в рот не берёт! И жизнь пошла, как по маслу.

А как она замуж за него выходила? Это же без смеха не вспомнишь!.. Вообще-то, на замужестве она в молодые годы не была помешана. Вроде, и крест на нём не ставила, но и поиском мужа не заморачивалась. Зачем? Ей и так было хо-

рошо: любимая работа, любимое занятие после неё, а когда хотелось и от этого отвлечься, уезжала на юг, к морю, и там отпускала тормоза... Такая жизнь её вполне устраивала. Она наслаждалась, купалась в воздухе свободы.

Наслаждение закончилось со сватовством будущего мужа. Он пришёл к ней на работу сразу с предложением: выходить за него замуж. И дал три дня на размышление. Вообще-то, она знала его, как соседа по дому – многоэтажке, где она проживала. Знала, что он женат, что у них с женой двое детей. Видела их не раз вместе. И всё. Предполагала, что живут они хорошо, ну и, слава Богу! А тут, оказалось, всё совсем не так. Вот-те раз! Они и развестись уже успели...

Да... Не крепко она тогда подумала... Три дня – это не срок для решения таких задач. Но, кто-то же дёрнул её за ногу! Дала согласие... Неведомо, какими мозгами тогда думала?..

Ну, раз согласилась, надо строить свою жизнь совсем по-новому. И пошло – поехало – покатилося... Конечно, совсем не так, как хотелось бы, но ничего – выдержала, вынесла, вытерпела. А как же иначе? Жизнь – штука такая... Поблажки от неё – редкий подарок. Её не разжалобишь, не выклянчишь то, чего тебе хотелось бы. Что получилось, то и получилось, нечего судьбу проклинать, да нюни распускать. Жизнь – она, ведь, что лотерея: кому что обломится. Се ля ви – и ничего не попишешь.

А тут подбросила тебе ещё лотерейные билеты. Что же

они принесут? Выигрыш? Розыгрыш? Или испытание? Для кого-то, возможно, всё, вместе взятое, а для неё?

Если будет выигрыш, что с ним делать? Если бы, да кабы... Тоже мне – проблема! Были бы деньги... А применить их куда, отыщется сто дыр, которые латать – не перелатать. Дыры дырами, а сыну квартиру купить не помешало бы. Вот это – проблема номер один. Только денег таких не дождёшься никогда...

А кредит брать – только заживо себя хоронить в долговой яме. Кроме того, в момент профукаешь даже то, что имеешь сегодня. Что за жизнь пошла?

Как хорошо было, когда государство или предприятия выделяли работникам квартиры. Ну да, не в полную собственность. Нельзя было купить – продать квартиру. Ну, так что же? Жили ведь! И неплохо жили! Квартплата была – гроши. И войн за квартиры и квадратные метры не было. А молодые специалисты, прибывшие на работу по направлению из институтов, без особых проблем получали жильё. А сейчас что? Закончил студент институт – ни работы, ни жилья. Ищи всё сам! А без денег много ли чего найдёшь? И идёт студент снова под родительское крыло. У родителей же пенсионеров деньги тоже не с неба сыплются... Деньги есть либо у тех, кто научился – изловчился воровать, либо наследство получил такое, что смог развернуться, начать свой «бизнес». А уж тех, кто смог придумать своё «доходное» дело, – вообще единицы. В основном же, все обычные «обалдуи», «гу-

бошлѣпы», которые только и могут просто работать на кого-то, «вкалывать» за копейки, даже имея по два или три института за спиной. Сколько институтов не кончай, если нет «соображалки», как и где получше пристроиться, чтобы не бомжевать, ничего путного в жизни не добьѣшься. Вот такая нынче пошла дикая капиталистическая изнанка. Выплыть, выкарабкаться из этой ямы – изнанки на поверхность очень сложно. Но нужно. И хорошо, если у тебя есть на кого опереться в трудный час. А что может быть лучше, надёжней родительского плеча в такой ситуации? Только это плечо.

Тётка Степанида за всю жизнь деньгами не сумела разжиться, потому и обратила свои надежды на лотерейные билеты. А что остаётся? Сыну-то помочь хочется, да нечем.

В ожидании розыгрыша она посматривала на даты в календаре: что же они так медленно сменяют друг друга? Ей так хотелось поскорее приблизить день розыгрыша, но, понимая, что это невозможно, старалась отвлечься, забыть об этом. И, как всегда и бывает: то, что стараешься забыть, упорно преследует тебя.

У тётки Степаниды память отказала в день розыгрыша. Помнила – помнила об этом дне, а пришѣл он – и вылетел из головы. Вспомнила она о нём на другой день, да не сама: родственники всполошили. Пришли как раз затем, чтобы узнать, выиграл ли её билет. Она и ахнула:

– Батеньки мои! Прозевала! Как же мне теперь их проверить?

– Тю!.. Да проще простого! – сказал племяш Дрюня. – Давай их мне, тётя Стеша, и я в интернете по таблице проверю. Делов-то!

– А что и таблица уже есть?

– А как же! Со вчерашнего дня!

– Так вы свои билеты, значит, проверили?

– Конечно.

– Ну и как: выиграла они?

– Один билет выиграл, другой – нет.

– Так это же здорово! Хоть один выиграл! Чего же вы молчите? Радоваться надо!

– Было бы с чего! Всего-то сто пятьдесят рубликов! Фигня! Конфет приличных и то не купишь на них!

– Да ты радуйся! Другим и этого не выпало!

– Ну, прямо осчастливили! Гы-гы-гы!.. – насмешливо прогыгыкал он.

Тётка Степанида улыбнулась:

– Глупенький ты ещё! Поживёшь с моё – поймёшь, что радоваться надо каждой малой малости, что Боженька даёт нам. Да говорить: «Спасибо!»

– Тётя Стеша, при чём тут Боженька? Лотерею, игры всякие люди придумывают. Это я им должен говорить «спасибо». Только что-то не хочется, по-моему, не за что.

– А зря. Не приучен ты, видать, быть благодарным. Родителям да жене своей ты говоришь когда-нибудь «спасибо»?

– Танюха, говорю я тебе «спасибо»? – с грубоватой само-

уверенностью спросил он жену.

– Не помню такого, – тихо ответила она, опустив глаза.

– Вот ведь, врёт и даже не краснеет! – возмутился он. – Ладно, дома разберёмся!

– Дрюня, а тебе не стыдно угрожать жене? – приструнила его тётка. – Вот уж никак не думала, что ты так нехорошо ведёшь себя в семье.

– Тётя Стеша, ты в мою семью не лезь! У нас всё нормально, живём мы хорошо, чтоб ты знала. Танюха у меня послушная, и развращать её не надо! Жена должна слушаться мужа. Я так считаю. И баста. Ну, так проверить ваши билеты? Не бойсь, тётя Стеша, не заныкаю я их. Проверю и верну. А то пойдём к нам, там вместе проверим.

– Нет, Дрюня. Никуда я с тобой не пойду. Билет твой я тебе отдам. Он – твой. Ты его мне давал, ты и проверяй. А остальные – найду, где проверить.

Тётка Степанида подошла к серванту и достала из шкапулки его билет.

– Забирай! И чтоб больше я его не видела! – сердито сказала она и подала билет племяннику.

– Я его проверю и верну, тётя Стеша! – неуверенно ответил он, беря билет трясушимися руками.

– Мне он не нужен. Не в нём счастье, – с долей брезгливости в голосе твёрдо произнесла она, зябко кутаясь в пуховую шаль.

Через некоторое время она узнала, что билет выиграл

крупную сумму, и племяш купил себе квартиру и машину.

Оставшиеся билеты она по совету проверила на почте. Два из них выиграла небольшие суммы, на которые она купила торт, с которым встретила Старый Новый год вместе со своими подружками. А племяш так и не зашёл к ней.

Беженцы

Вокзал. Сколько связано с ним ассоциаций! Это не только перекрёсток путей – дорог. Вокзал – это ещё и скопище, и перекрестье людских судеб, страстей. Он и соединяет, и разъединяет, даёт кому-то просто ночлег, а кому-то и направление к новой жизни.

Каждый человек здесь – Вселенная. Со своей историей, судьбой, характером.

Познакомимся с одной из них?

Вот она, перед нами, – в образе женщины, по всей видимости, немолодой, выше среднего роста, с измождённым то ли от голода, то ли от усталости лицом. Она горбится, с наругой катит за собой сумку – чемодан на колёсиках – в одной руке, а в другой – пластиковое ведро, заполненное узбекскими лепёшками, выглядывающими из-под тряпицы.

Женщина ищет свободное местечко на скамьях зала ожидания. Нашла. Едва присела, прозвучало объявление о прибытии поезда, идущего в Санкт-Петербург. Она с трудом поднимается и снова идёт, теперь уже на перрон, к составу.

В вагоне, задвинув поклажу под сиденье, и, наспех застелив постель, она тут же укладывается спать. Засыпает мгновенно, даже не слыша вопросов к ней весёлых, разговорчивых соседей по купе. Дело к ночи, но они и не думают спать: «гудят» всю ночь, однако женщина их не слышит. Она спит

глубоким сном без сновидений – наконец-то, расслабилась. Так ведёт себя человек, оказавшийся дома, в своей квартире, в своих четырёх стенах, являющихся для него защитой, крепостью.

А ещё она просто дико устала от всего-всего, что произошло с ней и её семьёй за последние несколько лет.

То же самое было и с другими людьми, а, может, и ещё хуже, после развала Союза. Ей, однако, повезло. Вся семья её теперь здесь, в России, хотя и продолжает оставаться в подвешенном состоянии. Она последней из семьи выбралась оттуда, из солнечного Таджикистана, где прожила почти всю свою жизнь, за исключением нескольких лет учёбы в институте лёгкой промышленности в Костроме. Там же, в Средней Азии, ушла на пенсию. Что же теперь будет здесь? – трудно угадать. Во всяком случае, уже не так опасно.

Последние годы ей приходилось быть в постоянном нервном напряжении, в переживаниях за своих детей: сына и дочку. Успела и сына женить, и дочь выдать замуж и отправить их в Россию. Дочку – к сводной сестре на Урал, а сына – к родной тётке по матери сюда, в Питер. Мужа она тоже отправила, к сыну.

Сама бы уехала раньше, но была тяжело больна мать, и за ней требовался уход. Ухаживала до последнего мгновения. Похоронив, продала с грехом пополам её квартиру (квартиры были государственные, продаже не подлежали, но она знала, что все тайком продают их), и с деньгами снарядила

мужа и отправила в путь. Он в дороге деньги отчасти растерял, отчасти его «почистили» таджикские таможенники, так что, слава Богу, добрался к сыну хоть живой. Теперь они там сидят без денег, голодают. Сын снял дом в каком-то садоводческом товариществе и – ни «тпру», ни «ну». Их туда не прописывают, гражданства не предоставляют, а без этого ни на какую работу не устроишься. Как хочешь, так и выживай.

А ей-то самой пришлось ещё надолго задержаться. Она пыталась продать свою квартиру. Шикарную и по местным меркам, и по её понятиям. Трёхкомнатную, но за счёт широкой, просторной, как веранда, лоджии, и просторного балкона на противоположной стороне дома, – её можно было считать четырёхкомнатной. Квартиру она получила, как специалист при областном правительстве. Это была высокая оценка качества её работы. И теперь ей было жалко просто так бросать жильё. К тому же, отправив с мужем все сбережения, она осталась без средств на проживание: теперь ей не на что даже лепёшку купить, не то, что билет на поезд или самолёт.

В отчаянии она ходила по знакомым с просьбой, чтобы те помогли найти покупателей, но толку от этих хождений не было никакого. Те тоже были русскими и сами искали покупателей на свои квартиры. А в последние недели количество знакомых намного уменьшилось: они уехали в Россию, побросав свои жилища со всем содержимым.

Наконец, однажды, возвращаясь от давнишней подруги, тоже не уехавшей пока в Россию, которая покормила её

немудрёной едой из манной каши и арбуза, она шла по улице, понутив голову, в раздумьях о завтрашнем дне. Был уже вечер. Глаза её стали плохо видеть из-за «куриной слепоты», наступившей от недостатка витаминов. И вдруг её кто-то окликнул:

– Полина Васильна!

По акценту она поняла, что это нерусский человек. Откуда он знает её? – застучало в голове. Последнее время она остерегалась таджиков: кто их знает, что у них на уме? После развала государства многие из здешних почувствовали себя «хозяевами», которым всё позволено. Вплоть до того, чтобы изгонять русских из своей страны. Выживали не только их, но и людей других национальностей. Озверевшие молодчики распоясались до предела: били стёкла в квартирах, орали, чтобы русские уматывали отсюда, нередко избивали и убивали людей. Для запугивания не гнушались ничем. Было страшно. Очень страшно. Но особенно страшно было тем людям, которые сумели продать квартиры. Она боялась искать покупателей, но и жить было уже совсем не на что. Из вещей, всё что можно было, она уже продала.

Полина Васильевна взгляделась в окликнувшего: среднего роста, плотного сложения мужчина – таджик в красивом тёмном костюме, при галстуке, лет тридцати, не больше. Нет, не знаком он ей.

– Полина Васильна, Вы меня не узналь? Помните: моя голова сильно болел, я спать не мог, а Вы полечили моя голова,

и она теперь не болит. Я теперь сплю ночью. Очень хорошо сплю. Спасибо большой Вам!

У Полины Васильевны была способность снимать головную боль, и она раньше иногда помогала людям.

– А-а-а, вспомнила. Тагир, кажется?

– Тагир-Тагир.

– Тагир, тебя совсем не узнать! Ты стал солидным! Поправился! А я тебя помню: ты такой худенький был, как тростиночка!

– Да... Тогда худой был. А теперь я женился. У меня два дети есть: малчик и девочка.

– Это хорошо. Поздравляю тебя!

– Спасибо. А Вы что-то совсем похудели. Проблемы какие есть? Скажите – помогу!

– Ну, а как же без них? Проводи-ка меня домой, что-то я стала плохо видеть! А по пути я расскажу, может, ты и в самом деле поможешь мне.

Тагир помог ей. Нашёл для неё покупателя квартиры, – порядочного человека. Тот оказался преподавателем института. Он приехал из Душанбе работать в местном ВУЗе и подыскивал себе квартиру поблизости от места работы. А её дом оказался для него наилучшим вариантом: расположен был рядом с институтом. Расплатился преподаватель с ней вполне достойно.

Получив вырученную сумму, она испугалась вдвойне: как сберечь деньги, да так, чтобы никто не узнал, что они у неё

есть? Ночевать в своей квартире она не стала. Ушла к подружке. Обратного назад не вернулась. От подружки же собиралась в дорогу. Вещички личного пользования давно уже отнесла к ней на всякий случай. Всю ночь перед отъездом они не спали, придумывали, как и куда спрятать деньги, чтобы их не обворовали.

Утром, в полной «боевой» готовности с сумками-чемоданами на колёсиках и едой в пластиковом ведре собрались ехать в аэропорт. Да не тут-то было: автобусы не ходили, а таксистов нанимать они побоялись. Путь был неблизкий, и – всякое бывало – могли и таксисты ограбить. Остались дома до ночи. Подруга тоже решила уехать вместе с ней. Сначала думала просто проводить, но, подумав о том, что её может ждать здесь одну (мужа давно похоронила, а дети тоже уже давненько проживали в России), решилась всё бросить и ехать к детям.

Ночью отправились в путь. Старались идти тихо, но собаки своим лаем всё же выдавали их. В одном из тёмных проулков чуть не нос к носу натолкнулись на какого-то мужчину. Рванули бежать изо всех последних сил. Он сначала погнался за ними, свистел, улюлюкал, но они, выбившись из сил, спрятались в каком-то закутке, и затихли. А он, по-видимому, потеряв их из виду, бросил преследование и ушёл назад. Женщины, передохнув, и убедившись, что его больше нет, двинулись дальше. У подружки в руках была ещё клетка с птичкой – попугайчиком. И, едва начал заниматься рассвет,

попугайчик засвиристел, да так звонко! Хорошо, что они были уже за городом.

В аэропорт подруги смогли добраться только на следующее утро, так как их пеший поход по дороге в дневное время привлекал бы к себе ненужное внимание.

При регистрации на рейс им пришлось проходить таможенный досмотр, где их принудили раздеться до гола, и все их женские хитрости по запрятыванию денег полетели в тартарары. Деньги у них изъяли из всех пришитых карманчиков. Таможенники откровенно гоготали над ними.

От ужаса, унижения и страха за будущее Полина Васильевна впала в шоковое состояние. Она не была человеком набожным, хотя и не отрицала существование неведомого Создателя. Никаких молитв, кроме «Отче наш», которой её научила когда-то бабушка, сама никогда не знала. Но тут она, не глядя на лица таможенников, стала в отчаянии произносить какие-то немыслимые слова.

Таможенники, глядя на её неистовое лицо и истощённую фигуру, слушая её сумасшедший бред, который она лепетала в горячке, устремив взгляд в потолок, сжалились над ней и её подругой, и, посоветовавшись, предложили отдать им некую сумму, а остальное забрать с собой.

В возбуждённом состоянии подруги взялись снова рассказывать по карманчикам возвращённые деньги...

Россия... Что ждёт их здесь?

Пока что отношение к ним далеко не радушное. Наверное,

потому, что и россиянам живётся несладко. Относятся к беженцам по выражению: «понаехали тут...». Но Полина Васильевна не теряет надежды, что всё это – временные трудности. Когда-то и у них всё будет, как надо. Нужно только набраться терпения и сил.

БОЕЦ

Вот и закончился последний рабочий день очередной рабочей недели. Закончился он для рядовых граждан, а для Игоря только начинается. Основную выручку ему дают вечерние часы да выходные дни. В последнее время доходы его падают. Уже едва стало хватать наскрести на оплату работы девушек – продавщиц. Игорь вспомнил, что давненько не просматривал записи с камер видеонаблюдения.

Сел за монитор. Увиденное в записях стало для него неприятным открытием. Работницы, оказывается, воруют, причём в наглую, не стесняясь видеокамер. Деньги, полученные от покупателей, кладут не в кассу, а в свои сумки. У него перехватило дыхание: «лопухнулся» по полной! «Пролетел», доверяясь молодым ещё девчонкам, посчитав их ещё «зелёными», «чистыми», не способными на такие дела. Вот тебе и «чистые»! «Зелёные»! Ну, что ж, ещё один урок! Учит его жизнь, учит уму-разуму: доверяй, но проверяй да надейся только на себя! А он нет-нет, да снова вляпывается в человеческое дерьмо.

«Думай, Игорёк, думай, что делать с девчонками – профурами? Уволить и других нанять? А где гарантия, что и новенькие не будут воровать? Нет... Тут нужно что-то придумать такое, чтобы у них и желания к воровству больше не возникало!»

– Фиг-ли тут думать?! – сказал ему знакомый предприниматель. – Всё давно уже придумано! Садись сам за кассу – и никаких проблем!

– Это не решение. А кто за меня будет заниматься другими вопросами? Бухгалтерия, продукты... Куда ж я от них? Нанимать для этого ещё людей? Пока у меня нет таких денег. Вот раскручусь, тогда можно подумать и об этом.

– С такими прохиндейками много не наторгуешь... Так и будешь ты работать на них, а не они на тебя! Я бы на твоём месте так наказал бы их, чтобы на весь век запомнили, и чтобы другим неповадно было. А то взяли моду – воровать! Всю наглость потеряли!

– Да... Наказать-то их надо. Что-нибудь придумаю, – задумавшись, он взмахнул рукой. – Что ни день, то новый мне сюрприз!

И правда, за свою не такую уж и долгую жизнь (всего-то разменял сорок лет с привеском) повидал и испытал столько всего, что с лихвой хватило бы на несколько человек.

В шесть лет он остался без отца. Было ли это для него горем? Скорее – нет, чем – да. Отец его был инженером – конструктором по самолёто- и ракетостроению. И, по-видимому, даже талантливым, если вскоре после окончания института, на заводе, куда его распределили, он работал уже ведущим конструктором. Но это была его лицевая сторона, на работе, на людях. Дома же у него была другая жизнь.

Едва поужинав, он сел за руль своего «Москвича»,

который купил на деньги, подаренные ему матерью (мать хоть и не жила с ним с малолетства, не воспитывала его, он был скорее сыном своей бабушки, которая силком забрала его от матери, бывшей в то время совсем юной, шестнадцатилетней девочкой). Деньгами мать всегда помогала. Сначала бабушке, а потом ему, когда учился в институте.

На «Москвиче» он таксовал, зарабатывая таким образом когда деньги, когда – бутылки водки. Водкой с ним расплачивались за подвоз мебели или ещё чего-то тяжёлого. Она у него не залёживалась, не застаивалась. Зачастую они вместе с заказчиками её тут же и приканчивали. Домой возвращался «чуть тёпленький». А там, естественно, начинались скандалы. Мать Игоря ругала отца, бабушка, жившая с ними, ругала мать, а отца науськивала побить мать, чтобы та знала своё место. Начиналась драка. Отец распускал руки, избивая мать, та первое время терпела побои, пряча только лицо – ей не хотелось, чтобы на завтра на нём были видны синяки, – она же работала в школе. Потом ей надоело терпеть, а женщина она была не мелкого десятка, и научилась давать ему сдачи. Да не просто так, а, когда он начинал рыгать с перепоею, тащила его к унитазу и тыкала его туда головой, чтобы он не пакостил в квартире. Бабушка начинала вопить:

– Убивают! Убивают!

А мать осаживала её:

– Только повизжи ещё! И тебя засуну в унитаз!

Старуха замолкала, трепыхаясь от злости.

Потом она сменила тактику. Во время усмирения отца усердно поощряла мать:

– Так его! Так его! Пущай знает, сколь пить можно!

А наутро ему же шипела – жаловалась, как мать обижала его.

Терпение матери подходило к концу, и однажды она предупредила отца:

– Если ты не прекратишь пить и не увезёшь бабку в деревню, то пусть я сяду в тюрьму, но вас обоих отправлю на небеса, так и знай. Хочешь жить по-человечески – живи без водки. Без неё никто ещё не умер.

Отец, видимо, одумался и отвёз бабку в деревню. Пьянки его на некоторое время прекратились. Это замечательное время осталось в памяти Игоря походами в лес, рыбалкой с ночёвками у костра. Но продолжалось оно не так долго, как хотелось бы. Дальше отец снова сорвался. Мать не захотела больше этого терпеть, подала на развод, и, собрав кое-какие пожитки, вместе с Игорем уехала к своим родителям. У них она долго не задержалась. Нашла работу в соседнем городе, где жила её подруга, и перебралась туда вместе с сыном.

В их отсутствие к родителям матери приехал отец Игоря и слёзно умолял тех уговорить свою дочь вернуться к нему. Клялся – божился, что больше – ни-ни, капли в рот не возьмёт. Но дед был непреклонен.

– Раньше надо было думать! – сказал он. – Пропил семью, не смог сберечь её, отравил жизнь жене и сыну – пожинай

то, что заработал! Научись сначала управлять собой, а потом создавать семью. Поживи год – два без пьянки и тогда мы посмотрим ещё, можно ли её отпускать к тебе?!

Отец уехал и снова ушёл в запой. А вскоре его не стало. Как впоследствии выяснилось, умер он от двустороннего воспаления лёгких, и, по-видимому, даже не осознал, чем болен, от чего ему было плохо.

Мать с Игорем вернулась в свою квартиру, хоть ей и пришлось хлебнуть хлопот с вселением и пропиской. Через пару лет она вышла замуж во второй раз. Отчим был человек спокойный, уравновешенный, к Игорю относился неплохо, но и без особого тепла. Особенно тот почувствовал это, когда на свет появился младший брат Игоря – Славка, Славик. Уж на него-то отчим не жалел ни времени, ни внимания, ни любви. Всё это было на виду, и, естественно, отдалило Игоря от него ещё дальше. Поворота в обратную сторону так и не произошло, даже много лет спустя.

Игорю было пятнадцать лет, когда не стало и матери. Для него это было катастрофой, которая повлияла на всю его дальнейшую жизнь.

После смерти матери он хотел было уехать к бабушке, но отчим отговорил:

– А за Славиком кто приглядывать будет? Я целый день на работе, а мальчишке помощь нужна.

И правда: братишка уже учился в первом классе, его надо было забирать из школы, кормить, контролировать под-

готовку домашних заданий. Да и вообще, конечно, за ним нужно было присматривать: рос он каким-то несобранным, рассеянным, вечно всё терял, да и избалован был порядком. Надо было приучать его и постель заправлять, и посуду за собой помыть, и игрушки на место убрать после игры. А тут ещё Игорь подумал о том, что в школе-то учиться осталось всего два года, а потом надо будет продолжить учёбу дальше, и где это делать, как не здесь, в большом городе? И Игорь остался.

Но отчим вскоре женился, и первую скрипку стала играть его новая жена. Надо отдать ей должное: она усердно старалась обихаживать их, пытаясь заменить мать. Младшему брату это было действительно необходимо. Но Игорь всей душой воспротивился такой заботе. Он принял эту женщину «в штыки». А не принял он её ещё и потому, что отчим сошёлся с ней слишком быстро: после ухода матери не прошло и сорока дней. Игорь стал воспринимать его как предателя.

Едва дотянув до окончания школы, он уехал поступать в институт в Москву. Экзамены сдал успешно, по конкурсу прошёл. Можно было остаться до начала учебных занятий. Однако вскоре пришлось вернуться назад. Закончились деньги на проживание, а мыкаться с поиском средств на проживание не счёт целесообразным. На последние гроши купил билет на обратную дорогу. У себя в городе снова поступил в институт. Затем, надумав самостоятельно зарабатывать на жизнь, перевёлся на вечернее отделение и устроился

работать на фабрику. Сначала всё шло неплохо и там, и там. Потом на фабрике начались перебои с выплатой зарплат. А там и военкомат прислал повестку на службу в армию. Вечернее отделение института не давало отсрочки от службы.

Служил в десантных войсках, с которыми побывал во многих «горячих точках» того времени. Осталась отметина и от Афгана. Лежал в госпитале.

Дома его ждала невеста. По возвращении сразу женился. Жили у тёщи. А с отчимом отношения совсем разладились. – Его жена была категорически агрессивно настроена против невестки.

Затем пришла эпоха перемен. С рухнувшим Союзом возникли и новые проблемы. И раньше было нелегко, а теперь пришлось учиться буквально выживать. Каждый «выворачивался» наизнанку, чтобы не сдохнуть.

Он тоже не отставал. Фабрика, где он работал до армии, закрылась. Стал искать новую работу. Долго ничего не находил. Решил заняться собственным делом. Сначала взялся за свой огород. Выращивал там неплохие урожаи помидор, огурцов и прочей зелени – всё-таки подспорье к столу. Но это не было выходом.

На деньги, подаренные бабушкой на свадьбу, купил мини-трактор, и с его помощью взялся подрабатывать, перепаживая огороды ближних и дальних соседей по коллективному саду. Подкопил денег, и, как когда-то его отец, купил машину «Москвич». Таксовал на ней, мотаясь с утра до позд-

него вечера, прихватывая иной раз и ночи, старался и семью обеспечить (у них с женой уже был ребёнок), и деньги откладывать.

Скопившуюся сумму решил пустить в оборот. Закупил на местной кондитерской фабрике несколько больших коробок шоколада, загрузил их в «Москвич», и повёз вместе с другом школьных лет туда, где шоколад был дефицитом – в городок, где раньше проживала его бабушка, а потом продолжила там жить тётя с мужем.

В пути машина крякнула, попав колесом в выбоину на дороге. Это случилось неподалёку от станции на железной дороге. Оставив машину, набитую товаром, на месте аварии, оба друга поездом поехали дальше, к тёте с дядей. Приехали туда ночью, всех переполошили, напугали. Дядя, отругав его за оставленный без присмотра на дороге товар, стал искать человека с машиной. Нашёл. Через несколько часов они вернулись к «Москвичу».

Удивительно, но машина с товаром осталась в целости. Никто не вскрыл её. Шоколад перегрузили на приехавшую машину, в прицеп, и поехали к дяде. «Москвич» оставили у начальника станции в каком-то сарае. Шоколад с грехом пополам разместили в нескольких магазинах лишь с минимальной наценкой. Так что прибыли он им не принёс никакой, а убыток был и в связи с дорожными расходами, и в связи с ремонтом машины. Негативный опыт. Но всё же это был для него урок.

На отремонтированном «Москвиче» он снова продолжил «таксовать». Подкопил денег на «Жигули». Не успев толком поездить на ней, в гололёд попал в аварию, разбив свою машину и попортив три чужих. Помощи ждать было неоткуда. Продал её на запчасти (восстанавливать хлам уже не имело смысла), выплатил долги хозяевам повреждённых машин. Остался на нуле.

Пришлось всё начинать сначала. «Москвич» опять стал его «палочкой – выручалочкой». «Таксовал» на нём, используя его «и в хвост, и в гриву».

На заработанные деньги теперь купил киоск, открыв там пункт проката и продажи аудиокассет. Доход с этой продажи был невелик, но всё же, с божьей помощью, смог открыть ещё один такой пункт.

Торговля шла ни шатко, ни валко. Такое положение его не устраивало. Перспектив – никаких. На большее здесь рассчитывать было нечего. Устроился работать на электростанцию, а в киосках торговал с женой по выходным. Так проработал год с небольшим.

И тут на глаза попала ему статейка в газете о кролиководстве, который разводит кроликов – акселератов по своей особой методике. Кролики растут у него, необычайно быстро набирая вес и рост. Кроликовод приглашал к себе на учебный курс всех желающих. По окончании обучения обещал к продаже фермы – клетки и кроликов для разведения потомства.

Игорь загорелся: вот оно – настоящее дело. Прикинул свои возможности и решился: пан или пропал!

Уволился с электростанции, а на своё место устроил младшего брата (он к тому времени окончил институт). Продал оба киоска с содержимым и поехал учиться к кролиководу.

Отучившись, с фермами и кроликами вернулся домой. На том его финансовые запасы иссякли. Но это его не расстроило. На следующий день он пошёл в областную администрацию и записался на приём к губернатору. Игорю сообщили день и час приёма, и он ушёл. К аудиенции подготовил свои расчёты, литературу от кроликоведа.

Губернатор выглядел довольно молодо. Он, видимо, ожидал увидеть очередного просителя материальной помощи и потому вид у него был равнодушно – скучающий.

Игорь, зайдя в кабинет, поздоровавшись, с ходу стал раскладывать у того на столе журналы и другую литературу по кролиководству и свои расчёты. Глаза губернатора заинтересованно разгорелись. Игорь предложил ему открыть новое производство, которое могло дать много рабочих мест – это был бы плюс работе губернатора. Улучшатся показатели по обеспечению населения мясом, причём диетическим – это второй плюс. Ну, и доход в собственный карман будет существенный – это самый главный плюс. Он и решил всё.

Губернатор выделил средства на проект и строительство основной базы под крольчатник, заказ на изготовление ферм – клеток разместили пока на местной мебельной фабрике, о

кормах заключили договор с местным же колхозом, ещё не успевшим развалиться.

Игорь самолично занимался и проектом, и строительством, и обучением будущего персонала по обслуживанию ферм, и ещё многими другими проблемами, возникающими по ходу работы. Он разработал чертежи ферм – клеток (у кролиководы их не было), поставил их производство на поток; придумал новую систему обогрева клеток молодняка, которая потребляла меньшее количество электроэнергии, а это было немаловажно, так как цены на неё росли.

Игорь полностью погрузился в работу, занимавшую всё его время. В результате, семья его распалась. Оторвавшись от неё, он достиг своей цели. Менее чем через полгода все расходы стали окупаться, причём многократно. Игорь «летал», был на подъёме – кончилось его безденежье, нищета.

Основную базу – крольчатник, они с губернатором изначально стали развивать по отдельности. Игорь поначалу делал всё в равной степени, как для себя, так и для губернатора. Потом у губернатора количество ферм и кроликов увеличилось за счёт того, что тот дополнительно закупил кроликов у кролиководы. поголовье росло и увеличивалось у обоих, можно сказать, в геометрической прогрессии. Цеха по изготовлению консервов из мяса кроликов, по выделке шкурок, по пошиву меховых изделий ещё только строились, а сбыт мясной продукции уже пошёл в гору, давая приличную прибыль.

К этому времени Игорь работал теперь только на себя. У губернатора всем хозяйством руководил уже другой человек. И рынки сбыта каждый находил свои.

Наступил момент, когда губернатор захотел единолично владеть этим бизнесом, ему теперь не нужен был конкурент, и он стал сначала уговаривать Игоря продать ему всё его хозяйство. Но Игорь не хотел расставаться со своей «золотой курицей». Тогда в его адрес пошли угрозы, и не только.

По распоряжению губернатора милицейские кордоны стали тормозить фуры Игоря с мясом кроликов, не выпуская их на автотрассу. Арестованные фуры они держали у себя до тех пор, пока не испортится мясо. Игорь находил объездные пути, но вскоре и там его продукцию встречали кордоны.

Друг школьных лет посоветовал ему не лезть на рожон – у губернатора были и сила, и средства, чтобы смести Игоря с лица земли, и предложил попробовать договориться мирным путём. Не хотелось ему сдавать свои позиции: только – только развернул плечи, только – только начал жить по-человечески, не считать копейки, и что теперь? Снова – пропасть? Снова всё с нуля?

Думал – думал, как спасти свою «золотую курицу», и придумал. Вспомнил о знакомом, который в тот год работал в администрации небольшого города. Срочно выехал туда.

Знакомый был мужик неглупый, с высшим экономическим образованием. Сразу смекнул, какой доход может ему принести крольчатник. В его власти были выделение участ-

ков земли, оформление документов, закрепляющих право на эти земли, и он, приглядев подходящий участок, оформил его на себя. Игорю предложил построить на нём гостиницу для туристов, которые будут приезжать на строящийся рядом с городом горнолыжный комплекс. Рядом с гостиницей решили построить и крольчатник. Тогда постояльцев можно было бы кормить диетическим мясом. Перспектива показала Игорю заманчивой. Там же, у гостиницы, можно было разбить и огородное хозяйство, тогда овощи обходились бы гораздо дешевле, чем закупленные неведь где, да к тому же ещё и напичканные незнамо какой химией.

Да... Сулило всё это много чего...

Только вышло всё боком...

С губернатором решили миром. Несколько ферм и кроликов Игорь сумел вывезти к знакомому, а оставшихся губернатор выкупил у него. Кроме того, он предложил Игорю заняться другим бизнесом, тоже денежным. Познакомил с нужными людьми, и Игорь стал вникать в новое дело. Деньги, вырученные с продажи кроликов, разделил на две части: большую часть вложил в развитие нового бизнеса, а меньшую оставил на начало строительства гостиницы с приусадебным комплексом. На месте будущего гостиничного хозяйства начались подготовительные работы: расчистка площадки с вырубкой лишних деревьев и кустарников, затем строительство крольчатника и земляные работы под огород и гостиницу. Тут понадобились деньги, и немалые. Сюда он

стал вкладывать средства, вырученные от нового бизнеса. А в новом деле деньги тоже пошли неплохие, только поступали они очень уж неравномерно. Бывало то густо, то пусто. Здесь надо было запастись терпением и уметь договариваться как с заказчиками, так и с поставщиками. Фирма, представителем которой он работал, была посреднической. Постепенно научился работать, появились свои постоянные клиенты. Приходилось мотаться из края в край по всей стране и дальше на всех видах транспорта, но большей частью на своей машине. Теперь у него был BMW. На нём он носился со скоростью, частенько превышающей 150 км. Любил скорость, но главным для него было – успеть сделать те или иные дела. Торопливость его и подвела. Разбил и эту машину.

Какой-то дед – колхозник выехал с второстепенной дороги на трассу, не посмотрев по сторонам, и чуть не угодил ему под колёса. Игорь вовремя успел отвернуть машину, и, сорвавшись в кювет, врезался в столб. Получив переломы рук, рёбер, гематому в голове и сотрясение мозга, попал в больницу. Слава Богу, остался жив.

Подлечившись, стал судиться с дедом. Тот оказался не простак, успел до суда быстро-быстро переписать всё своё имущество на родственников, и брать с него оказалось нечего.

Разбитую машину снова пришлось продать на запчасти. Добавив к вырученной сумме вновь заработанные, опять купил такую же BMW. Эта машина нравилась ему и лёгкостью

управления, и скоростью. Но теперь он уже не гонял на таких скоростях, как прежде. Водил её более аккуратно, осмотрительно. Тем более что частенько давали о себе знать и травмы после аварий, и ранение, полученное в Афгане.

Несмотря на все сложности и трудности, гостиница в течение пары лет была построена. Получилась красивая: трёхэтажная, из дерева. Игорь обустроил её самым современным оборудованием, мебелью, которые были закуплены по совету специально приглашённого специалиста – дизайнера.

Принятый на работу обслуживающий персонал довёл гостиницу до блеска. Всё было готово к началу работы гостиницы, в том числе и огородное хозяйство.

Наступил день открытия. К вечеру ожидали прибытие гостей, а пока Игорь уехал в город закупить недостающие продукты и кое-какую мелочёвку.

С затоваренным багажником, с букетами цветов в салоне машины, и воздушными шариками, бьющимися на ветру над машиной, в приподнятом настроении возвращался он в гостиницу: наконец-то строительство завершено, и можно будет вздохнуть свободней. В будущем он собирался заняться только гостиничным бизнесом и отойти от посреднической фирмы. Работы и здесь будет достаточно, к тому же – чисто на себя. В фирме заработок, конечно, очень даже неплохой, но всё же – эта работа ненадёжная. Сегодня она есть, а завтра её могут и прикрыть: законы-то меняются, что дышло. Откуда и куда завтра подует ветер? Кто будет у руля? К то-

му же, здесь работаешь всё равно на «чужого дядю». Вдруг тому взбрѣдет в голову закрыть эту «лавочку». А своё дело – оно всегда верней.

В раздумьях о будущем он не заметил, как подъехал к повороту на дорогу, ведущую к гостинице. По ней навстречу ему бежала, размахивая платком, полноватая женщина. Присмотревшись, он узнал в ней директора гостиницы, которую принял на работу не так давно, но она уже проявила себя энергичной, ответственной, умеющей организовать работу подчинѣнных. Её появление здесь означало, что произошло что-то нехорошее. Видно было, что она на бегу что-то кричала. Сначала Игорь не слышал её, но, когда услышал слово «пожар», включил такую скорость, что пулей рванул вперѣд, едва не сбив её с ног.

Горела пристроенная к гостинице баня. Полыхала вовсю. Языки пламени уже облизывали деревянный сруб здания. Игорь знал, что корпус гореть не будет: он был пропитан противопожарным составом. Но его беспокоило, что делалось внутри здания: вход в баню был из коридора на первом этаже.

Сотрудники гостиницы, кажется, все, были на улице. Игорь, выскочив из машины, спросил их, позвонил ли кто в пожарную часть. Кто-то ответил, что не могут дозвониться: здесь, в лесу, у сотового телефона плохая связь, да ещё на нём нет номера вызова пожарной части. Игорь велел одному из работников взобраться на дерево повыше и звонить сво-

им знакомым, чтобы те вызвали пожарников, а сам помчался внутрь здания пробежать по этажам и убедиться, что там никого не осталось.

Смог проверить только первый этаж, на втором всё было заполнено едким, ядовитым дымом, дышать которым было невыносимо. Игорь выскочил на улицу. Хотел было, отдышавшись, снова нырнуть в здание, чтобы подняться на второй этаж, но его остановила подбежавшая директор:

– Игорь Михайлович! Там никого не осталось! Все люди выведены на улицу!

С дерева спустился Костя – электрик, и сказал:

– До пожарников дозвонились, но те сказали, что приедут, когда наберут воды.

– Объясните, кто-нибудь, с чего начался пожар? – спросил Игорь. – Почему загорелась баня?

– Рабочие решили попробовать затопить баню, да разожгли-то даже не на полную мощность – только чтобы посмотреть, как будет идти нагрев, – ответила директор. – И вдруг всё запылало! Пытались погасить сами, – ничего не вышло!

Пожарников ждали долго. До их приезда горела только баня. Но лучше бы они не приезжали, наверное. Сгорела бы она, и тем бы всё закончилось.

Приехавшие пожарники по своей лестнице взобрались на чердак и открыли окна, якобы для того, чтобы пролить водой весь угол с баней сверху вниз. Открытые окна создали тягу

воздуха, и огонь охватил всё здание. Стены не горели, но всё, что находилось внутри стен (утеплитель), и внутри здания – теперь горело. Пожарники взялись проливать всё здание...

Убытки были огромные. Игорь долго не мог оправиться от случившегося. Пытался понять, разобраться, почему такое могло произойти? Обратился в прокуратуру.

Расследовали дотошно. Оказалось, что печка в бане была сложена неправильно. Вернее, дымоход был сделан так, что возгорание, а затем и пожар был неизбежен.

Вспомнил, что рабочие, строившие гостиницу, а это была бригада армян, частенько обижались на него за задержку зарплаты. Он извинялся перед ними, объяснял, что как только сам получит деньги за свою работу, так сразу же рассчитается с ними. Вся беда в том и была, что и ему-то приходилось ждать денег от своих клиентов – заказчиков. Зарплату строителям он выплачивал, но бывало и с задержкой, хоть и не по своей вине. Вспомнилось, как обещал им выплатить зарплату к Новому году (они собирались съездить к себе на родину на праздники), но с деньгами опять была задержка. Едва получил деньги, поехал с женой и маленьким ребёнком в дальний путь. Была страшная метель. На дорогах образовались огромные сугробы – заносы. Впереди – белая стена снегопада. Машины, наталкиваясь одна на другую, разбивая бамперы, образовали затор, который сразу же стало заносить снегом. Думали с женой, что уже и не выберутся из этой западни. Часов десять выползали они из снежного плена. До-

брались на место только к бою курантов, возвещавшему наступивший Новый год.

Расплатиться-то он расплатился со строителями сполна, но, видимо, ранее, из-за затаённой обиды они и сотворили такую печь.

Прокурорские следователи хотели возбудить против строителей уголовное дело, только это было бесполезно: вся бригада укатила в неизвестном направлении. Вернее, Игорю было понятно, что они уехали к себе на родину, и теперь их было не достать. И он отозвал своё заявление.

Случившееся, конечно вывело его из строя, но ненадолго. Надо было жить, хотя бы для того, чтобы поднимать детей – их у него было уже трое. Продолжил работу в фирме. На вновь зарабатываемые деньги стал понемногу восстанавливать здание. Корпус-то остался цел, а межэтажные перекрытия, окна, частично крышу пришлось делать заново.

Отремонтировав, хотел продать, но не тут-то было. Земля под гостиницей принадлежала знакомому, и, значит, надо было либо её выкупать у него, либо гостиницу ему продавать. Но тот заявил, что денег у него нет, и покупать он её не станет. И землю Игорю не продаст. А почему, не стал уточнять. Как впоследствии всплыло – он эту землю не имел права оформлять на себя, и документ на неё был сфальсифицирован.

На том их отношения закончились. Стоит эта гостиница, по сей день закрытая, как памятник его благим намере-

ням. Работать дальше с ней у него отпало желание. К тому же, дальнейшие перспективы оказались призрачными: строительство и развитие горнолыжного комплекса было на грани закрытия. Средств на эти цели не было ни у городского, ни у областного бюджета. Предпочтения были отданы другим городам и комплексам. А, значит, и гостиница работала бы себе в убыток. Смысла её открывать теперь не было.

Игорь продолжил заниматься посреднической работой, но теперь уже не один. Решив расширить свою клиентуру, он открыл офис, набрал сотрудников – менеджеров и работа пошла более активно. Кроме менеджеров у него теперь были секретарша и бухгалтер. Секретарша, естественно, была не уродина, – длинноногая брюнетка со смазливym личиком. Жена его, на тот момент третья, кстати, тоже была длинноногой брюнеткой, и тоже красивой. Они с ней не регистрировались законным браком, так как он к тому времени ещё не оформил развод со второй женой. Семейная жизнь у него как-то не складывалась, хотя он стремился к ней, детей любил, жён – тоже, но всё начинало рушиться, как только он углублялся в работу. Беда, видимо, была в том, что он по натуре своей был трудоголиком. Работе отдавался до конца, не считаясь со временем, забывая о семье, жене.

В детстве он был не только любознательным ребёнком, но и стремился научиться всё делать сам. В этом его всегда поддерживала мать. Она и сама никогда не сидела без дела и его приучала к труду. Она то шила для семьи, то вязала, то шла

мыть подъезды своего дома, и Игорь шёл вместе с ней. Он не был ленив ни в детстве, ни, тем более, став предпринимателем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.